

УДК 82.01

К вопросу о литературоведческой интерпретации и ее исследовательских призмах

Людмила Петровна Егорова

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия
355009 Ставрополь, ул. Пушкина, 1а
Доктор филологических наук, профессор
E-mail: oiml@inbox.ru

Аннотация. В статье раскрываются механизмы интерпретирования текста на основе тех или иных избранных интерпретатором исследовательских призм, освещаются возможности расширения их круга в свете актуального ныне рассмотрения филологии в общей системе современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: анализ; интерпретация; исследовательская призма; научный метод; междисциплинарные связи; историко-функциональное изучение литературы; типы литературоведческой интерпретации.

Введение. В современном литературоведении актуальна проблема интерпретации художественного текста, которая выходит на первый план, потеснив приоритет анализа. Вместе с тем литературоведческая интерпретация, в отличие от субъективной литературно-критической и обыденной, не может обходиться без анализа текста, и механизмы их соотносительности филологу осознавать необходимо. Особенно велика роль интерпретации в историко-функциональном изучении литературы, ибо жизнь произведения в большом времени есть смена его интерпретаций.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили труды по интерпретации художественных произведений и личный опыт автора в области историко-функционального изучения литературы. Использовались методы сравнительно-исторический, герменевтико-интерпретационный, историко-функциональный.

Обсуждение. О соотносительности анализа и интерпретации в едином познавательном процессе мы не раз уже говорили в своих предыдущих публикациях (см., напр.: [1]). Эта соотносительность понималась даже тогда, когда связанный с герменевтикой термин «интерпретация» по идеологическим причинам фактически не употреблялся. Наглядным примером того, как приходилось ученым обходить этот термин, может служить давняя (и блестящая) статья Д. Максимова о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу», где очень точно определена соотносительность анализа с тем, что сейчас называют интерпретацией: «... Анализ того, что подлежит анализу, поможет лучше уловить и почувствовать то, что *от него [анализа] ускользает*» [2] (курсив наш. – Л.Е.). В тех условиях филологи прибегали также к понятию «целостный анализ». В свое время известный методист Т.Г. Браже убедительно писала о его некорректности, да и в литературоведении концепция «целостного анализа» противоречива и вряд ли стоит ее сейчас реанимировать. Ныне интерпретация полностью восстановлена в своих правах: именно она должна быть конечной целью постижения произведения и выявлять его смысл. Анализ же играет подчиненную роль, лишь обеспечивая объективность и достоверность интерпретации, и это положение уже закреплено в программах и в учебных пособиях по теории литературы.

Другим важным моментом рассмотрения интерпретации как литературоведческой категории является постижение ее органической взаимосвязи с пониманием интерпретируемого текста, которое не следует отождествлять со знанием. «Понятным собственно является то, что требует понимания и выступает в качестве понятого», – говорил известный психолог С. Рубинштейн [3]. Понимание свойств вещей, явлений происходит через включение их в новые связи. Труды Рубинштейна позволяют распространить этот тезис и на понимание художественного текста, которое «есть переход от непонимания к пониманию». В сознании реципиента элементы текста вначале не входят в контекст его знаний и представлений, в связи, его образующие. В процессе понимания происходят, с

одной стороны, дифференцирующий анализ элементов текста, с другой – синтез: реализация связей, образующих этот контекст. Именно синтез лежит в основе понимания нового для читателя контекста; на нем и выстраивается интерпретация – дальнейшее истолкование смысла произведения в целом или его фрагмента.

Проблема понимания занимала и М.М. Бахтина: «Самое понимание входит как диалогический момент в диалогическую систему и как-то меняет ее тотальный смысл, – писал он еще на рубеже 1950–1960-х гг. – Понимающий неизбежно становится *третьим* в диалоге (конечно, не в буквальном арифметическом смысле...), но диалогическая позиция этого третьего – совершенно особая позиция» [4]. Бахтин развивает концепцию *третьего* как высшего наадресата, ответное понимание которого «предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени». Этот тезис показывает высшую планку, которой может достичь интерпретация художественного произведения (см., напр.: [5]). М.М. Бахтин считал критерий *глубины* понимания одним из высших критериев в гуманитарном познании [6], и это также относится к интерпретации, как и к рефлексии над пониманием.

Каждое ли художественное произведение нуждается в интерпретации? По этому вопросу мнения ученых разделились. Вспомним образцы интерпретаций, представленные Г. Гадамером, М. Хайдеггером, Ю. Левиным. Тексты «Не действуй наперед» П. Целана, «В игольчатых чумных бокалах...» О. Мандельштама и др. особенно трудны для понимания даже квалифицированного читателя. Порой подобный текст остается непонятым отнюдь не по вине рядового профессионала-интерпретатора, так как требует интерпретатора, конгениального автору. На том, что **только** такие стихотворения нуждаются в интерпретации, неоднократно настаивал в своих выступлениях М.Л. Гаспаров, полагая, что, например, ясный в своем содержании «Парус» Лермонтова в интерпретации не нуждается: для него достаточно литературоведческого анализа. На наш взгляд, ведущая роль интерпретации сохраняется в любом случае. Только когда в тексте снята всякая неоднозначность, он не требует ни усилий понимания, ни процесса интерпретирования. В процессе учебной деятельности и банальный текст может требовать когнитивных усилий и даже стать определенной ступенькой к пониманию реципиентом художественного текста вообще. (Но надо учесть и обратную сторону медали: неразвитое эстетическое сознание может свести к банальности интерпретацию самого сложного и высокохудожественного текста).

Литературоведа интересует, прежде всего, понимание эмоций другого человека, но понимание на основе сопереживания, идентификации. Это соответствует современной антропоцентрической парадигме, которая, в отличие от текстоцентризма, предполагает повышенное внимание к авторской концепции личности, образу литературного героя, то есть к художественному самопознанию человека, в том числе и читателя, «присвоившего себе переживания героев». Контакт читательской аудитории [7] с текстом произведения, с его автором и героями может быть уподоблен межличностному отношению между реальными людьми, что придает интерпретации текста неоднозначный характер, возможность ее развития, дополнения, переосмысления. Это особенно важно для антропоцентрического литературоведения. Антропоцентризму в литературоведении противостоит не «текстоцентризм» (как иногда указывалось), а «структуроцентризм»; текст же сам по себе является условием любого парадигмального подхода к художественной литературе, и антропоцентрического в частности. Актуальный срез интерпретации произведения исследователю могут подсказать именно читатели, особенно на современном этапе постнеклассической науки.

Однако анализ, положенный в основу интерпретации, может иметь разную направленность, определяющую и различный характер. Все зависит от той исследовательской призмы, сквозь которую смотрит на произведение литературовед. Выбор этой призмы определяется своеобразием произведения и субъективным выбором интерпретатора, который, однако, не должен противоречить объективному содержанию произведения.

Специфика исследовательской призмы литературоведческой интерпретации определяется следующими двумя факторами: 1) методологическим, то есть выбором научного метода литературоведческого исследования; 2) междисциплинарными связями литературоведения, что в наши дни особенно важно в свете актуального рассмотрения

филологии в общей системе современного знания как гуманитарного, так и естественнонаучного.

В первом случае это могут быть такие призмы, как историко-генетическая, сравнительно-историческая, сравнительно-типологическая. Сравнительно-историческая призма позволяет филологу увидеть общее и особенное в творчестве и отдельных произведениях писателей, как современников, так и относящихся к разным историческим эпохам (историческая поэтика); в этом случае возникает проблема традиций и преемственности в литературном развитии. Сравнительно-типологическая призма позволяет увидеть общие родовые (а не случайные) черты литературных явлений, основанные на критерии повторяемости. Такая общность обусловлена сходными условиями в историко-культурном развитии, общими тенденциями мирового литературного процесса.

Историко-функциональный метод, хотя и получил такое определение только в самом начале 1970-х гг., тоже опирается на традиционный сравнительный анализ. Он уделяет большое внимание современному прочтению произведения на фоне всех предшествующих его прочтений. Этот фон может быть разработан специально, а может присутствовать в сознании интерпретатора, так сказать, в «снятом» виде, но тем не менее он (фон) составляет основу призмы современного прочтения текста, его актуализации, переосмысления. Последнее особенно необходимо в эпоху исторических сдвигов, и именно такой сдвиг произошел в России на рубеже XX–XXI вв., открывая перспективы литературоведческих историко-функциональных исследований.

В середине XX в. стали популярными структурно-семиотический, психоаналитический, герменевтико-интерпретационный методы. Новый метод всегда связан с новой теорией, новым взглядом на литературное творчество в целом, и он определяет характер научной призмы, через которую смотрит на произведение исследователь. Еще сравнительно недавно литературоведческая интерпретация связывалась только с постижением содержания произведения и поэтому рассматривалась в отрыве от поэтики, которая тоже изучалась изолированно. Отдавая должное прорыву, который был совершен в изучении поэтики формальной школой, пришедшей в конечном итоге к пониманию содержательной формы, современная филология утверждает развертывание диалектики формы и содержания во временной протяженности всего процесса интерпретирования текста. Отдавая на первых порах предпочтение форме, «мы постоянно переходим от формы к содержанию и *обратно*» [8].

Второй обозначенный нами фактор, определяющий специфику призм интерпретации, – заметно расширившиеся на современном этапе междисциплинарные связи. Разумеется, традиционные связи науки о литературе с философией, эстетикой, историей широко известны, но они должны быть осмыслены с позиций нашей современности. Так, философско-эстетическая призма позволит увидеть воплощенное в произведении понимание художником мироздания, места человека в нем. Онтологическая призма является важнейшим слагаемым философско-эстетической призмы. В этом случае объектом и предметом литературоведческого исследования становятся структурные единицы, фиксирующие специфику художественной интерпретации бытийных проблем. Примером онтологической призмы интерпретации может служить труд философа Л.В. Карасева «Онтологический взгляд на русскую литературу» (М., 1995). Важно раскрыть и философско-этические принципы писателя, ибо этика – учение о нравственности и морали, это составная часть философии, которую Аристотель называл практической философией и в которой особенно нуждается современный социум.

Перед интерпретатором порой встают нелегкие вопросы. Что есть истинная ценность? И как отвечает на него интерпретируемое произведение? Как раскрывается она в сюжетных ситуациях, в поведении литературного героя и авторской позиции в целом, что есть для них – для автора и его героев – добро и зло, почему в XX в. эти понятия стали амбивалентными, а начало XXI века ознаменовалось полным падением нравственности? Если произведение поможет сегодняшнему читателю найти ответы на эти вопросы или хотя бы задуматься над ними, то в этом будет заслуга и автора, и его интерпретатора. Фактически речь идет о уже нравственно-этической призме – оценке художественного произведения в аспекте выражения нравственных идеалов, что сближает ее с «проблемой духовности».

Психологизм художественного творчества – достаточно традиционный аспект изучения литературы, но в наши дни он значительно обогащен данными современной

психологии, неопрейдистскими концепциями, так что психоаналитический метод наших дней, прежде всего, является результатом непосредственных междисциплинарных связей. Психологическая призма акцентирует внимание интерпретатора на раскрытии в произведении внутреннего мира личности (внутренний монолог, поток сознания, онейросфера и т.д.). Психологическая призма позволит подробно рассмотреть образы литературных героев в их общечеловеческой сущности, раскрыть их внутренний мир. Авторское мастерство психологического анализа донесет до читателя сложную диалектику рационального и эмоционального и поможет ему, если он будет переживать драму героев как свою.

Весьма актуальна для наших дней социологическая призма ученого, которая позволяет истолковать смысл произведения в его многосторонних связях с жизнью социума. Социологический метод в литературоведении, конечно, традиционен, восходит к культурно-исторической школе, но современная социология преобразует и его: не классы, которыми оперировало советское литературоведение, а судьбы человека в социуме, поделенном на страты, – вот, что необходимо увидеть в произведении; обратить внимание на выбор героем жизненного пути, осознание им своих ошибок, необходимости или невозможности компромиссов. И все это вкупе с психологической убедительностью и эстетическим совершенством, ибо литературоведческая интерпретация не сводится лишь к познанию внетекстовой реальности.

Говоря о призмах литературоведческой интерпретации, стоит уделить особое внимание новым научным дисциплинам: культурологии, гендерологии, синергетике, современной имагологии; говорят о когнитивном, о религиозном литературоведении. Практическая реализация междисциплинарного подхода в интерпретировании в последнее десятилетие приобрела большую популярность. Интегративный характер имеет лингвориторическая призма интерпретации дискурса и текста художественного произведения (см.: [9–11]). Но какую бы научную призму ни избрал интерпретатор, понимание той или иной проблемы должно, повторяем, сочетаться с осознанием образной специфики искусства, его самодостаточности, с учетом фактора эстетического наслаждения, или, согласно Р. Барту, «удовольствия от текста», если даже этот текст говорит о вещах, далеко не радостных.

Заключение. Итак, нами рассмотрены соотношения понятий анализ и интерпретация художественного текста; введено и обосновано понятие «исследовательская призма литературоведческой интерпретации», предложена классификация типов литературоведческой интерпретации с учетом выбора ученым метода анализа произведения и аспекта междисциплинарных связей его изучения.

Примечания:

1. Егорова Л.П. Выпускные квалификационные работы по русской литературе. М.: Высшая школа, 2009. С. 39–46.
2. Максимов Д.Е. О двух стихотворения М.Ю. Лермонтова // Русская классическая литература. Разборы и анализы. М.: Просвещение, 1969. С. 127.
3. Рубинштейн С.Л. О понимании // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Изд. 2. М.: Педагогика, 1976. С. 236.
4. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 305.
5. Дуров А.А. Интерпретация как «диалог» интерпретатора и интерпретируемого // Филологические науки: Мат. XLII науч.-метод. конф. «Университетская наука – региону». Ставрополь: СГУ, 1997. С. 56–61.
6. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 305.
7. Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. IX. Тарту. 1977. С. 55–60.
8. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999. С. 132.

9. Vorozhbitova A.A. Lingual rhetoric paradigm as integrative research prism in philological science // *European researcher*. 2010. № 2. С. 183–190.

10. Ворожбитова А.А. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме // *Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела*. 2012. №2 (20). С. 197–200.

11. Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма как теоретико-методологический подход к исследованию верлибрического дискурса // *Сборник научных трудов SWorld. Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2012»*. Выпуск 3. Том 28. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312–840. С. 81–85.

UDC 82.01

Literary Interpretation and Its Research Perspectives

Lyudmila P. Egorova

North-Caucasian Federal University, Russia
Dr. (Philology), Professor
E-mail: oiml@inbox.ru

Abstract. The article discloses mechanisms of text interpretation, basing on one or another research perspectives, selected by the interpreter, highlights possibilities of their expansion in terms of topical philology consideration in the general system of modern humanities knowledge.

Keywords: analysis; interpretation; research perspective; scientific method; interdisciplinary relations; history and functional study of literature; types of literary interpretation.